

Серия «Классика библеистики»
Золотой фонд русской библеистики

Николай Никанорович
ГЛУБОКОВСКИЙ

СЛАВЯНСКАЯ БИБЛИЯ

Первоначально опубликовано:
София, 1932

© Сканирование и создание электронного варианта:
Кафедра библеистики Московской духовной академии
(www.bible-mda.ru) и Региональный фонд поддержки
православного образования и просвещения «Серафим»
(www.seraphim.ru), 2005.

Кафедра
библеистики МДА

Фонд
«Серафим»

Москва
2005

СЛАВЯНСКАЯ БИБЛИЯ

В числе библейских изданий на 900 языках Славянская Библия не занимает выдающегося положения ни по древности происхождения, ни по обширности влияния. Но это — наша, Славянская Библия, и потому она заслуживает всегдашней памяти нашей и специального воспоминания — особенно по таким достопамятным случаям, каков настоящий.

Славянская Библия есть памятник общеславянского христианского воскресения, основа, начало и спутник культуры всех славянских народов. Правильнее сказать, тут одно неразрывно от другого и второе обуславливается первым, потому что Христианство воплощает «свет истинный», призывает всех к чистой просвещенности и обязывает к свободному прогрессу. Значит, Славянская Библия является неизменным и внушительным призывом к религиозно-христианской цивилизации в самом широком, общегуманитарном смысле. С другой стороны, она «по своему происхождению» «в начале своем (согласно словам знаменитого митрополита Московского Филарета /Дроздова/, † 1877 г., 19 ноября, в известной его записке «О догматическом достоинстве и охранительном употреблении греческого семидесяти толковников и славянского переводов Священного Писания», Москва 1858 г.) не есть произведение обыкновенной учености, но плод

апостольской ревности святых Кирилла и Мефодия», озарена сиянием священности по самому возникновению, первоначальному христианско-миссионерскому «применению и всегдашнему церковно-богослужебному употреблению, как священнейшая книга всего христианского славянств».

Изложенным решительно констатируется специфическая качественность самого библейского содержания, и лишь достоинством последнего точно определяется степень полезности и благотворности христианского просвещения в прошлом, спасительность его в трагическом настоящем и живительность для смутного будущего, которое непременно должно быть возрождающе-светоносным, ибо без такой бодрящей уверенности все минувшее станет напрасным, а нынешнее бессмысленным. Все эти существенные вопросы решаются тем простым фактом, что наша Славянская Библия дает органическое объединение Ветхого и Нового Завета, где первый свидетельствует об историческом предуготовлении второго, который описывает уже всецелое, божественное завершение всемирного процесса. Посему вся Славянская Библия по своему идейному характеру оказывается христианской книгой, хотя и различной по силе выражения этой стихии согласно ходу вселенской истории.

Это несомненное свойство принудительно требует научно выяснить, насколько истинна и законна такая сплошная христианизация Славянской Библии, и нет ли тут пристрастного перенесения позднейшего на раннейшее, которое естественно рисуется подготавливающим и оправдывающим моментом? Понятно, что при

подобном положении христианское увенчание не будет обеспеченным сразу своим фактическим предварением и, следовательно, не бесспорным по своей нормальности в историческом развитии человечества.

I

Отсюда и все дело приобретает глубочайшее значение для нашей веры и культуры и должно быть рассмотрено не менее принципиально. Здесь в отношении Славянской Библии вся разгадка заключается в том, что ветхозаветная ее часть есть воспроизведение греческой передачи еврейского оригинала в «переводе LXX толковников» и по своему содержанию всецело зависит от греческого прототипа. Так неизбежно двигается старый и практически едва ли разрешимый (ранее Рим. 11, 25 и след.) спор о сравнительном достоинстве LXX и нынешнего еврейского текста, именуемого масоретским. Они весьма сильно различаются между собой, а касательно мессианско-христианской стихии чаще всего совсем противоположны, почему при одинаковом библейском основании получились и продолжают существовать столь взаимоисключающие и реально непримиримые выводы, как иудейство и Христианство. Не виновны ли в этом LXX толковников, давших произвольную, даже антибиблейскую интерпретацию традиционных библейских текстов? Ведь издавна провозглашалось, что этот перевод равен по своей гибельности акту слития Израильтянами при Синае золотого тельца, и что по окончании работы мрак покрыл всю землю на три дня, как тьмою называется и установленный

по сему случаю пост. По сравнению с этой злочестивой фальсификацией еврейская масоретская редакция рекомендуется божественно неприкосновенной и человечески неповрежденной, для которой справедлива абсолютная догма рабби Акибы бен-Иосефа († около 132 г. по Р. Х.), что в ней всякое слово, частица и буква имеют значение и служат специальным целям. В таком случае и ценность греческой версии будет условливаться тем, насколько последнее утверждение, выдаваемое за некую аксиому, фактически правильно и научно неотразимо. Об этом должна нам точно сказать объективная история формирования масоретского текста.

Зарождение его относится к после пленному времени и связывается с именем Ездры (около половины 5-го века до Р. Х.), который даже почитается вторым Моисеем, как восстановитель священных еврейских писаний. Говорится и больше того, что ввиду утраты подлинников он вдохновенно «написал» их по памяти. Видимо, участие Ездры в реконструкции библейской письменности было огромное, почти творческое. Подробностей этой работы мы не знаем, но о характере ее можем судить с достаточной вероятностью по всей реставрационной деятельности Ездры. Он стремился создать чистое иудейство, чуждое всяких внешних влияний и самомазейших посторонних соприкосновений.

Его идеалом был «народ Божий по закону Господню», свободный от несродных примесей по плоти и номистически корректный по духу. В этом направлении Ездра был непреклонен до крайности и неумолим до беспощадности, чего частью требовала и его непримиримая националистическая задача. В этих интересах но-

вый Моисей расторгнул сотни (если только не тысячи) легализованных браков евреев с иноплеменницами, заставив мужей отпустить таких жен — даже со всем потомством (1 Езд. 10, 3). Совершалось это жестокое насилие для того, чтобы отделить семя Израилево от иноплеменников (Неем. 9, 2) и чтобы это «святое семя» не смешивались с отвратительными народами (1 Езд. 9, 2, 14), а впредь воспрещалось Израильтянам всякие брачные связи с иноплеменницами (1 Езд. 9, 12; Неем. X, 10), вплоть до нынешних времен.

При столь тяжелой заботливости о плотском очищении Израиля для всего будущего — как можно было не поусердствовать еще больше о наичистейшем традиционном легализме? А с другой стороны, и самая безжалостная плотская чистка не могла бы пройти гладко без обязывающего письменного авторитета в богооткровением издревле законе, который посему нужно было представить во всей точности и строгости. Во всех отношениях систематическая ревизия священных еврейских книг оказывалась необходимой и основоположительной во многообъемлющей реформаторской работе Ездры. Мы согласны, что для всесовершенного исполнения этого важного и трудного книжного дела у него едва ли было достаточно свободного времени и сосредоточенного спокойствия, но это требовало лишь опытных помощников, каких Ездра имел и по другим частям осуществлявшейся реорганизации. И предание иудейское утверждает, что тогда была образована и функционировала так наз. «Великая синагога» в количестве 120 членов по примеру совета старейшин при Моисее (Исх. 18, 21–26; 25, 1).

По совокупности всех данных я считаю это известие вполне достоверным и фактически соответствующим всем историческим условиям. Дальше понятно, что книжническая пурификация гармонировала с практической очистительностью, а раз последняя была националистически-исключительной (Неем. 13, 3: «они отделили все иноплеменное от Израиля»), то одинаковой должна быть и первая, божественно узаконяющей националистический эксклюзивизм. Все сомнительное в этом партизанском смысле было исключено и уничтожено, или ограничено по своему значению и влиянию, как, напр., даже книга пророка Даниила, а остальное внесено в канон, неприкосновенный ни по достоинству, ни по количеству, ибо к этим книгам уже «нельзя ничего прибавить, или отнять от них, ни перетолковать» (*Jos. Flavii Contra Apionem* 1, 8). Всякое непочтительное касание их «оскверняло руки», т. е. делало их святотатственно-скверными. В свою очередь и увеличение канонического сборника стало фактически невозможным по причине объявленного прекращения во Израиле пророчества, которое заменялось каким-то темным суррогатом в «баткол», означавшем туманные отголоски неведомого голоса свыше.

Так Ездра создал себе еще и славу «печати завета», заключив путь для дальнейшей канонической литературы и санкционировав окончательный письменный авторитет в своем единственном кодексе. Продолжатели должны были строго охранять его и применять буквально пунктуально. На них (в лице мужей Великой синагоги) падала специальная миссия — воздвигать и укреплять ограду вокруг закона в Ездриной редак-

ции, чтобы никто не мог проникать туда и все лишались самонаименьших способов к свободному распоряжению там. Напротив, уполномоченные стражи номизма были облечены догматическим величием и решительным самовластием. Провозглашалось и принималось непререкаемо, что слова книжников имеют большее значение, чем слова закона Моисеева. Практическое осуществление последнего, рассчитанного на полупатриархальные условия быта, нисколько не сходные с позднейшими, оказывалось явно невозможным даже относительно по прямому смыслу номистических заповедей, но оно хорошо облегчалось тем, что новым законникам достаточно было найти некую «асмахту», или точку опоры, и они уже вправе были делать всякие выводы и все нужные им приспособления теоретического и практического свойства.

Это были господа и владыки веры и дела, бесконтрольные и бесспорные в узко националистическом хранении закона по его специфическому пониманию и тесному толкованию. А о результатах этого раввинистического абсолютизма красноречиво говорят некоторые ясные и яркие факты. Еврейская Библия в своем подлиннике была недоступна большинству иудейского народа и при чтении в синагогах требовала помощи парафразов и таргумов. Казалось бы, последние служат самым благим и разумным целям и должны иметь широкое распространение, однако строжайше воспрещалось записывать их, — конечно, потому, что там могли быть вольности и уклонения от раввинистического трафарета, почему даже (якобы) либеральный Гамалиил I приказал изъять из употребления таргум на

книгу Иова. Правда, все это скрывало подлинное библейское содержание от религиозных еврейских масс, но так тому и полагалось быть у невежественного в законе, проклятого народа (Иоан. 7, 49) со стороны забравших ключи разумения, которые сами не входили и входящих не пускали (Лк. 9, 52; Мф. 23, 23). Они ревниво преграждали всякие независимые веяния и с фанатической суровостью устраняли «свободную» религиозно-мистическую литературу, как лишаящую царства небесного даже простого носителя ее, хотя она выросла и распространялась именно под воздействием раввинистического террора, бесследно уничтожившего все оригиналы апокрифически-апокалиптических произведений. Мало того, подвергалась подобной немилостивой участи и вполне корректная религиозно-назидательная литература, раз она не способствовала номистическому шовинизму, а проповедовала религиозно-гуманитарную мораль. Пример сему благочестивая Книга Сирахова: вскоре после греческого перевода она совсем исчезла в еврейском тексте, каковой случайно и фрагментарно стал отыскиваться лишь с конца прошлого столетия. Значит, узко националистическая работа Ездры продолжалась и укреплялась неизменно библейским ее оправданием. Закон Господа неба и земли, Творца и Зиждителя всяческих, абсолютного светоча для всего мира и человечества был объявлен и сделан исключительной привилегией избранного Израиля. И вдруг среди такой стуженной атмосферы воссияло Христианство со своим универсалистическим пониманием и богочеловеческим осуществлением библейских предначертаний. Как должны были фанатичные

законники реагировать против этой живой и неотрицаемой реальности, которая опрокидывала все их дело и саму религиозную доктрину? В первом отношении они ответили убийством ненавистного им «мятежника», стараясь изгладить самое имя его (Деян. 4, 17–18; 5, 28), а воплощенную им истину личного божественного Избавителя Библии подменили националистической идеей о мессианизме всего Израиля, как народа Божия и страждущего искупителя за весь грешный, отверженный мир гоев. Библейский текст не мог противоречить этому деспотическому активизму, но обязывался санкционировать его в качестве богоустановленной нормы, и, следовательно, должен быть вполне соответственным сему по всему содержанию. Так у масоретов оно и есть фактически до столь близкого согласия, что это не может не казаться тенденциозным. И если греческая интерпретация LXX вносила дисгармонию, то ее искусственно дискредитировали измышленными диффамациями и ослабляли созданием и поощрением новых греческих переводов, неудовлетворительных и грубых, но более пригодных для иудейского националистического строительства, буквалистически-тупо поддерживавших его библейскую основу. Даже самый традиционный распорядок библейских синагогальных чтений претерпел некоторые антихристианские модификации (см. *Ludwig Venetianer. Ursprung und Bedeutung der Propheten-Lektionen. Leipzig, 1909*), ибо он допускал персонально-мессианические применения и ограждения, как видно на примерах Христа Спасителя в Назаретской Синагоге (Лк. 4, 16 и след.) и апостола Павла в Антиохии Писидийской (Деян. 13, 14 и след.).

Все должно подражать и подчиняться стереотипному шаблону под строжайшей цензурой иудейских законников. И нам известно из предания, что духовный возродитель иудейства после Римского разгрома, рабби Акиба, уничтожил все библейские манускрипты, легализовав лишь один текстуальный тип, который размножался и распространялся только в удостоверенных копиях по рассмотрению и разрешению их избранными номистическими вершителями, как и ныне все подлинные Библии еврейского издательства до точности совпадают между собой не просто по тексту, но и в самом распределении его по страницам, строкам, слогам и даже буквам. Сказанное сейчас находит подтверждение и в том, что сохранившиеся доныне еврейские рукописи произошли не ранее 10 века; — как это случилось, когда новозаветные имеются у нас от конца 4 столетия, а папирусные фрагменты и старше? Еврейских вариантов там чрезвычайно мало, а старинные отметки *keri* и *ketib* весьма немногочисленны и несущественны, между тем необъятное количество новозаветных разночтений создает чисто «вулканические» опасности для реконструкции первоначального вида новозаветных писаний — чем объяснить эту поразительную странность, когда еврейские начертания представляют неизмеримо больше поводов для всяких недоразумений по сравнению с греческими итацизмами (при диктанте)? И как разумно постигнуть, что эта особенность явно направлена против персоналистического мессианизма, который догматически отвергается и еврейской ученостью и иудейской верой? В последние годы свои известный берлинский профессор и академик Адольф фон

Гарнак занялся разысканием догматических корректур в греческом новозаветном тексте, в частности — в Послании к Евреям (Zwei alte dogmatische Korrekturen im Hebraerbrief: Studien zur Geschichte des Neuen Testaments und der alten Kirche I. Berlin, 1931, S. 235–252). В конкретных случаях эта попытка мне кажется необоснованной и неудачной, но если самая эта идея возможна для Нового Завета, то почему она считается научно еретической для Ветхого? По каким соображениям и мотивам провозгласили ее принципиально невысказанной еврейские и иудаистические библеисты? А мы слишком хорошо знаем, что ни один умный преступник не оставляет документальных изобличений своего деяния... И коль скоро с религиозной убежденностью он находит последнее правильным и необходимым, тогда для него обязательно представить и оправдывающую норму, какой здесь являлся соответствующий библейский кодекс. Тут для желательного редактирования находились все моральные побуждения и основания, а фактически данная работа могла совершаться легко и почти незаметно ввиду еврейского начертания, scriptio continua и отсутствия пунктуации и вокализации, где малейшие штрихи способны изменять смысл. После сего в дальнейшем открывался неограниченный простор для всяких нападений и апологий в потребных интересах, ибо твердо свидетельствуется, что раввинистические корифеи могли вешать целые горы законов на едином волоске...

Против предшествующего всегда ссылаются на необыкновенную внимательность иудейства к буквализмической скрупулезности и благоговейному охранению

текстуальной библейской неповрежденности. Легенд на этот счет столь много, что нельзя не усомниться в их объективной верности и фактическом беспристрастии. А исторические сведения таковы, что иногда надолго пропадала даже «книга закона Господня, данная рукою Моисея», и с нею надо было знакомить самого благочестного царя иудейского Иосию, для которого все содержание оказалось новым и поразительным (4 Цар. 22, 8–20; 2 Пар. 34, 14–28). Не говорит ли это о крайней небрежности, или — скорее — об умышленной преднамеренности? Что касается частных, то достаточно напомнить, насколько евреи доселе дорожат своими генеалогиями и чтут «отцов» и предков, а в действительности в этой самой области господствует поразительнейшая путаница в именах множества исторических лиц, не исключая первосвященников, у которых иногда совсем невозможно установить истинное *post propter*. При указанных условиях никак не следует забывать, что патристические авторитеты, допуская текстуальную *hebraicam veritatem* (блаж. Иероним), вовсе не считали ее абсолютной, относительность же простирала до того, что знаменитый александриец Ориген, великий знаток Писания и текстуальный критик, предполагал специальное изъятие из оригиналов иудейскими учеными целых библейских отделов (напр., о Сусанне), неблагоприятных для иудейской репутации, а свят. Иоанн Златоуст, тоже имевший некоторый доступ к еврейской Библии, часто говорил о намеренных ее искажениях, особенно в мессианских местах, со стороны иудейских справщиков. Совокупность всех приведенных данных обязывает нас допустить систематическое корригирова-

ние оригинального библейского текста еврейскими редакторами с решительным устранением всех других разновидностей, которые или прямо уничтожались, или погибали в генизах. И чем меньше известно нам о подробностях этой «критической» работы, тем более она оказывается неясной и специфически-иудейской, но все-таки некоторые этапы этого процесса достаточно бесспорны в существенных чертах. Первый — в конце 7 века до Р. Х. при иудейском царе Иосии, когда первосвященник Хелкия «нашел» в храме книгу закона Господня, где весьма изобличались отступления Израильтян от Иеговы для каждения другим богам и восстановлялась номистически наказующая строгость заповедей Моисеевых. Бесспорно, что это была не новая «книга», а старое Второзаконие, или даже все Пятикнижие, в коем теперь «открыт» был более определенный смысл отмеченного характера. Значит, тут была ревизия в пользу ритуально-номистического ригоризма, чтобы строго и точно соблюдался узаконенный культ богочитания для обособления иудейства от язычества.

Вторую стадию составляет реформа Ездры, направившего всю жизнь еврейства по тесному руслу националистической исключительности и в этом именно смысле «написавшего» (при участии членов Великой синагоги) всю Библию. Эта рецензия была более обширной, захватывавшей все ветхозаветные книги и выделившей в «канон» только пригодные для раввинизма писания с безусловным воспрещением увеличивать его состав и перетолковывать легализованный библейский текст. Она продолжала и распространяла преж-

ную ревизионную политику в сторону внутренней религиозной замкнутости Израиля, который теперь, естественно, становится отрицательным и потом даже враждебным ко всяким другим течениям, если последние посягли на его «неотъемлемое достояние» и делали «иудейскую собственность» общедоступной вне израильской номистической ограды и, пожалуй, по библейскому разрешению.

Этот неизбежный вывод должен был отчетливо формулироваться после успеха греческой версии LXX, популяризировавшей по всему тогдашнему свету персоналистический универсальный мессианизм, и решительно сделан около времен Христа Спасителя, а окончательно закреплен в масоретской редакции (7–10 вв. по Р. Х.), в которой еврейская Библия стала националистически-мессианской и потому антихристианской.

Для всех этих трех ревизий была величайшая жизненная нужда, и удовлетворение ее являлось религиозной необходимостью, которая морально облегчала и даже поощряла редакционную работу. И к чему она наклонялась, как не к тому, чтобы Библия «смогла» говорить мессиански-христиански? Но мы знаем и видим, что священную тетраграмму, выразившую самую сущность божества (ср. Исх. 3, 13–14), слепо и слепо сделало «шем гаммефораш» — неизреченным именем, никому неведомым, поскольку и сам первосвященник вспоминал его и мог произносить только однажды в год в великий день очищения (10-го тишри) и лишь в полном уединении во мраке святого святых.

После сего что же удивительного и чудесного, если и здесь еврейская Библия «замолчала» по-иудейски?

II

Обратимся теперь к греческому переводу LXX толковников. Главное его отличие заключается в персоналистически-мессианском характере пророчеств, которые потом вполне логично и нормально получили христианское применение в отношении личности Господа Искупителя. Почему это случилось и нет ли тут хронологически-обусловленной тенденциозности?

Но в период совершения этого перевода (в Александрии за время от Птоломея Филадельфа до Птоломея III Евергета между 285 и 221 гг. до Р. Х.), разумеется, не было Христианства даже в более и менее ясном предведении и не существовало специальных мессианских напряжений в предполагаемых производящих кругах, а предание уверяет, что запрос исходил из Александрии, однако мотивировался исключительно библиофильскими побуждениями и был удовлетворен с благословенной успешностью самыми компетентными авторитетами на основании апробированных экземпляров, присланных иудейскими вождями из Палестины вместе с уполномоченными переводчиками. И если бы действительно преобладали в александрийских сферах пристрастные мессианские увлечения, то как отсюда объяснить увеличение времени от сотворения мира до Христа у LXX (5508 лет) против еврейского счета (4004 года) почти на целую треть (1504 года) по сравнению с последним? Не гораздо ли правдоподобнее, что тут была точно воспроизведена особая еврейская редакция? То же должно думать и касательно других уклонений текстуально-фактического

характера, напр., в различном распределении глав в книге пророка Иеремии. К этому именно заключению склоняют и разные другие наблюдения. Так, Самарянское Пятикнижие в Полиглотх Парижской (1645 г.) и в Лондонской Бриана Вальтон (1657 г.) имеет до 6 000 вариантов сравнительно с масоретской рецензией, часто примыкающей к переводу LXX. Разве это не свидетельствует документально в пользу текстуальной обоснованности греческой версии? Для ослабления ее достоинства приводят древние позорящие легенды, но они больше походят на злонамеренные диффамации по партийно-религиозным предубеждениям. Ведь в тех же древних сказаниях не менее решительно сообщается о безупречности и спасительности переводческой работы, почему совершение ее было для всего мира светлым праздником, который и праздновался торжественно каждый год на острове Фаросе (близ Александрии). А некоторые факты удостоверяют, что греческий перевод LXX был в Египте не просто достопримечательной книгой, но имел и богослужebное употребление у тамошних иудеев. Равным образом он некогда достаточно ценился и в самой Палестине, где широко ходил сходный с ним текст. Упрекают, что в нем приняты разные сомнительные апокрифы, неведомые иудейству и не постулирующие к еврейским архетипам, а потому весь греческий библейский канон не получил ни распространения, ни авторитетности. И это все крайне преувеличено, ибо, напр., Сирах был знаком Филону, которого столь уничижительно третировало раввинистическое иудейство, а наиболее греческая по языку и концепциям книга Премудрости Соломоновой допуска-

ет догадки (даже со стороны иудейских ученых), что за ней стоят древние еврейские первоисточники.

Сопоставление еврейской масоретской Библии и греческого перевода LXX в объективном историческом освещении и беспристрастном толковании научно за- ставляет меня формулировать в итоге, что греческая интерпретация воспроизводит независимый от масоретского еврейский текстуальный тип. О нем мы ничего не знаем в точности, но, очевидно, это один из тех, кото- рый не подвергся ревизионному досмотру иудейских цензоров и не испытал корректур от раввинистическо- го правоверия, а в текстуальной новозаветной критике доминирует аксиома, что «нейтральные» тексты, не за- тронутые ревизиями специальных справщиков, содер- жат чтения более древние и ближайšie к авторским оригиналам. С этой точки зрения и еврейская перво- основа LXX должна почитаться наименее поврежден- ной текстуально и гораздо древнейшею сравнительно с масоретской редакцией, сформировавшейся под анти- христианскими настроениями и законченной уже в позд- ние христианские времена (10 в.).

Всем изложенным прямо возвышается текстуальное достоинство LXX, как независимого объективного сви- детеля подлинной *hebraicae veritatis*, превосходящего масоретский ретушированный текст своей древностью и бесспорной достоверностью содержания, напр., в мес- сианских пророчествах. Это заключение полностью приложимо и к нашей Славянской Библии, которая приобретает особую религиозно-научную важность, как памятник древнейшей библейской традиции и как почтенный свидетель византийско-греческого ориги-

нала для священного Кирилло-мефодиевского труда. Твердо держась этого положения, славянская наука и конфессия никогда не доходили до крайностей в оценке своей Библии, как это пыталась сделать Константинопольская Церковь, провозглашавшая LXX аутентичным текстуальным выразителем подлинника. Мне известен лишь один случай этого рода, когда латинствующий Обер-Прокурор Русского Св. Синода властный граф Н. А. Пратасов († 16 января 1855 г.) подал (государю императору Николаю I) мысль объявить славянский перевод Библии самодостоверным, подобно латинской Вульгате, но (по словам митрополита Московского Филарета) «Святейший Синод... не провозгласил текста славянского исключительно самостоятельным и тем прозорливо преградил путь тем затруднениям и запутанностям, которые в сем случае были бы те же, или еще большие, нежели какие в Римской церкви произошли от провозглашения самостоятельным текста Вульгаты». Принималось и применялось только то, что Славянская Библия представляет достопочтенное истолкование слова Божия в меру ее согласия с греческой версией LXX, а последняя уважалась вполне, но ничуть не возвеличивалась исключительно. Напротив, у русских были колебания в точнейшей дозировке ее корректности по соотношению с масоретской реконструкцией. В истории русского богословия были увлечения и в том, и в другом направлении, нашедшие наиболее яркое выражение в новое время (см. у проф. И. Н. Корсунского. Труды Московской Духовной Академии по переводу Св. Писания и творений св. Отцев на русский язык за семьдесят пять лет

(1814–1889 гг.) ее существования в «Прибавлениях к Творениям св. Отцев». ч. XLV за 1890 г., кн. 2, сс. 341–405). Одни решительно превозносили текст еврейский, сводя все разногласия LXX преимущественно к недоразумениям и перетолкованиям греческих переводчиков (проф. П. И. Горский-Платонов, † 1904 г., 21 октября: Несколько слов о статье Преосвященного Епископа Феофана «По поводу издания священных книг Ветхого Завета» в «Православном Обозрении», 1875 г., № 11, сс. 504–540; О недоумениях, вызываемых Русским переводом свящ. книг Ветхого Завета. *ibid.* 1877 г., №№ 1, 2 и 4, сс. 69–104, 260–284, 681–702; Народная Библия во времена Христа Спасителя в «Прибавлениях к Творениям св. Отцев», 1880 г., ч. 26, сс. 1070–1085, в книге «Годичный акт в Московской Духовной Академии 1-го октября 1880 г.», М., 1880, сс. 7–22, и в «Православном Обозрении», 1880 г., № 10, сс. 363–375). Другие не менее энергично и убежденно защищали греческую интерпретацию, считая масоретскую рецензию тенденциозно-исправленной (епископ Феофан Говоров, † 1894, 6 января: По поводу издания книг Ветхого Завета в русском переводе в «Душеполезном Чтении», 1875 г., № 11, сс. 342–352, и тоже под заглавием «Право — слово об издании книг Ветхого Завета в русском переводе» в «Домашней Беседе», 1875 г., вып. 47, сс. 1212–1219; О нашем долге держаться перевода ХХI толковников в «Душеполезном Чтении», 1876 г., № 5, сс. 3–21; Об употреблении нового перевода ветхозаветных писаний, *ibid.*, 1876 г., № 9, сс. 100–106; Библия в переводе ХХI толковников есть законная наша Библия в «Домашней Беседе», 1876 г.,

вып. 20, 22 и 23, сс. 499–503, 527–529, 579–590; Решение вопроса о мере употребления еврейского нынешнего текста по указанию церковной практики, *ibid.*, 1876 г., вып. 28, сс. 699–709; Какого текста ветхозаветных писаний должно держаться? в «Церковном Вестнике», 1876 г., № 19, сс. 1–2; О мере православного употребления еврейского нынешнего текста по указанию церковной практики, *ibid.*, 1876 г., № 23, сс. 1–5, а к сему относящиеся сюда статьи проф. И. С. Якова, † 1885 г., в «Церковном Вестнике», 1876 г., №№ 13, 19 и 35, сс. 1–3, 2–4, 1–4: По поводу мнения одного епископа о значении Русского перевода ветхозаветных священных книг, изданных по благословению Святейшего Синода; Ответ преосвященному Феофану; О мере православного употребления еврейского нынешнего текста, по указанию церковной практики. См. еще у проф. о. И. Н. Королькова, Преосвященный Феофан, бывший епископ Владимирский и полковник С. А. Первухин в их взаимной переписке... с приложением статьи «Суждения епископа Феофана и епископа Порфирия о переводе Св. Писания на русский язык», Киев, 1915 г., сс. 65–69, 96–139). Тем не менее оба эти научные течения никогда не достигали в русской науке взаимоисключающей крайности и по возможности примирались, — однако с предупреждением митрополита Московского Филарета (в его «Записке»): «дабы при употреблении еврейского текста в пособие к изъяснению Священного Писания не дать места произволу, поставить в сем деле преграду против уклонения от точности православных догматов, и охранить священную важность текста семидесяти в древней его чисто-

те, — для сего в учении о Священном Писании, или в священной герменевтике, должны быть предлагаемы охранительные правила, извлеченные из существа дела, и из примеров церковных и отеческих». Под этими вдохновениями был начат и, несмотря на авторитетные и обоснованные протесты (напр, митрополита Киевского Филарета Амфитеатрова, † 1857, 21 декабря), был совершен (1858–1875 гг.) — при участии всех Духовных Академий и приглашенных ученых людей — волею и смотрением Св. Синода Русский перевод Библии, который служил первоосновой и для новейшего Болгарского перевода (София, 1925 г.). Не отказывалась от принципа руководственного верховенства LXX и русская наука. Так, проф. В. Н. Мышцын писал что «нельзя безусловно и во всем отдавать предпочтение тексту масоретскому, что в некоторых случаях греческий перевод сохранил лучше сравнительно с подлинником чтение, — чтение верное и первоначальное, вследствие чего перевод LXX имеет не только авторитет изначала в Христианской Церкви употребляемого перевода, но и авторитет наилучшего критического средства при исправлении текста масоретского; употребление его не церковное только, но и научное» (в «Богословском Вестнике», 1895 г., №№ 2 и 3, сс. 214–288, 345–377: Нужен ли нам греческий перевод Библии при существовании еврейского подлинника?). В свою очередь проф. И. Н. Корсунский в специальной обширной диссертации по данному предмету («Перевод LXX: его значение в истории греческого языка и словесности», Св. Троицкая Сергиева Лавра, 1897 г.) формулировал два тезиса, что а) «перевод LXX во многих своих местах имеет большое

значение для восстановления первоначального вида подлинного еврейского текста Библии», а б) «с другой стороны перевод этот, по разным причинам, во многом отстает от еврейского подлинника». Посему нельзя было встретить в России научного библейско-экзегетического сочинения, где бы не утилизировался систематически этот греческий текст. Но раз он, по меньшей мере, считался равноправным еврейскому, то — наряду с последним — должен был стать и общедоступным для беспрепятственного пользования исследователям и любителям Писания. По этим побуждениям предпринимались попытки русского перевода прямо с LXX, напр., епископом Чигиринским Порфирием Успенским († 1885 г., 19 апреля), из подобных работ которого имеется в печати лишь «Псалтирь» (2-е изд., С.-Петербург, 1906 г.); в новое время этот великий научно-церковный подвиг был подъят и энергически осуществлялся профессором Казанской Духовной Академии П. А. Юнгером († 1922 г., 27 марта), успевшим выпустить почти весь библейский текст в русской обработке по LXX (Пятикнижие Моисеево в греко-славянском и русском переводах, Книга Бытия. Казань, 1917 г.; Книга Иова в русском переводе с греческого текста LXX, с введением и примечаниями, Казань, 1914 г.; Псалтирь в русском переводе с греческого текста LXX, с введением и примечаниями, Казань, 1908 г.; Книга Притчей Соломоновых в русском переводе с греческого текста LXX, со славянским переводом, введением и примечаниями, Казань, 1908 г.; Книги Екклесиаст и Песнь Песней в русском переводе с греческого текста LXX, с введением и примечаниями,

Казань, 1916 г.; Книги пророков — великих: Исайи, Казань, 1909 г., Иеремии и Плач Иеремии, Казань, 1910 г.; Иезекииля, Казань, 1911 г., Даниила, Казань, 1912 г.; малых пророков, Казань, 1913 г.; неканонические книги, Казань, 1907 г.).

III

По своему соответствию LXX и славянский перевод получает высокий и широкий интерес. Это, конечно, драгоценный памятник славянской литературы и с такой стороны справедливо и тщательно изучался в России специалистами в историко-литературном и филологическом отношении; этому собственно больше служили и многочисленные текстуальные издания. Однако при этом в достаточной мере соображались и библиологические запросы (см., напр., проф. И. С. Якимов. Критические исследования текста славянского перевода Ветхого Завета в его зависимости от текста перевода семидесяти толковников в «Христианском Чтении», 1878 г., ч. I, сс. 706–742; ч. II, сс. 235–250, 314–340, 536–562; В. К. Лебедев. Славянский перевод книги Иисуса Навина по сохранившимся рукописям и Острожной Библии. С.-Петербург, 1890 г.; проф. Ф. Г. Елеонский. По поводу 150-летия Елизаветинской Библии. С.-Петербург, 1902 г.; Следы влияния еврейского текста и древних, кроме 70-ти, переводов на древнейший славянский перевод Библии. С.-Петербург, 1905 г.; проф. А. В. Михайлов. Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древне-славянском переводе. Варшава, 1905 г.), ибо славянский перевод является вос-

произведением почтенного греческого прототипа и традиционно-авторизованным истолкованием библейского содержания, почему здесь должен подлежать научному изучению уже с текстуально-экзегетической стороны. Работы этого рода в более известной мне русской науке направлялись главнейшим образом на восстановление древнейшего славянского текста, существовавшего ранее 15 века, чтобы подойти к Кирилло-мефодиевскому оригиналу (см. у проф. Г. А. Воскресенского. Кирилло-Мефодиевский перевод Библии в «Прибавлениях к Творениям Св. Отцев», 1885 г., ч. 36, сс. 229–252) и в нем приобрести верного свидетеля его греческого прототипа, который тогда служил бы и объективной мерой точности труда славянских первоучителей, а равно характера библейско-христианской просветительности, принесенной ими славянству и проникавшей всю нашу культуру даже до сего дня. Больше всего способствовал этому предприятию приснопамятный ректор Московской Духовной Академии протоиерей А. В. Горский († 11 октября 1875 г.), который особенно послужил сему делу в (совершенном им вместе с К. И. Невоструевым) «Описании славянских рукописей Московской Синодальной Библиотеки» (в 1855–1869 гг. вышло в Москве пять книг, для коих см. Указатель именной и предметный Е. М. Витошинского, Варшава, 1915 г., а шестая, приготовленная еще в 1863 г., выпущена в свет лишь в 1921 г. под редакцией Н. П. Попова), где он открыл, собрал и обозрел огромный материал и наметил новые перспективы для плодотворной работы по генезису и реституции Славянской Библии. По справедливому и компетентному суждению проф. Г. А. Вос-

кресенского († 1918 г., 10/23 марта), — это «есть, можно сказать, неисчерпаемая сокровищница критически очищенных фактов для истории священного библейского текста» (славянского). Работа пошла гораздо интенсивнее и систематичнее, сосредоточиваясь на достижении завершительного итога. Для Нового Завета особенно важны ученые труды и текстуально-критические издания вышеупомянутого проф. Г. А. Воскресенского (Древний славянский перевод Апостола и его судьбы до 15 в. Москва, 1879 г.; Характеристические черты четырех редакций славянского перевода Евангелия от Марка по ста двадцати рукописям 11–16 вв., Москва, 1898 г. [к сему см. «Поправки, дополнения и замечания» проф. М. Д. Муретова в особой брошюре, Сергиев Посад, 1897 г.]; Евангелия Марка по основным спискам четырех редакций рукописного славянского евангельского текста с разночтениями из ста восьми рукописей Евангелия 11–16 вв., Сергиев Посад, 1894 г.; Древне-славянский Апостол: Послания святого Апостола Павла по основным спискам четырех редакций рукописного славянского апостольского текста с разночтениями из пятидесяти одной [— семи —] рукописи [— сей] 12–16 вв.; вып. 1-й — Послание к Римлянам, Сергиев Посад, 1892 г.; вып. 2-й — Послание к Коринфянам 1-е, Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1906 г.; вып. 3–5 — Послание к Коринфянам 2-е, к Галатам и Ефессянам, Сергиев Посад, 1908 г., — с разными руководящими и информирующими трактатами по этому предмету (напр., К вопросу о научном издании славянского перевода Библии в сборнике «В память столетия Московской Духовной Академии», ч. 1, Сергиев Посад,

1915 г.). У него все рукописные тексты распределены на четыре последовательные стадии согласно их типическим отличиям и все развитие славянского перевода представлено в историко-литературном процессе без непосредственного соотношения с греческими рецензиями, хотя и при случайных иллюстрациях из греческих разночтений. Здесь славянский перевод обрисовывается лишь как научно проверенный и литературно взвешенный специальный памятник славянской письменности.

Дальше и прозорливее пошел в отношении Ветхого Завета проф. И. Е. Евсеев († 1921), который в двух тщательных диссертациях (Книга пророка Исайи в древне-славянском переводе в двух частях: 1 — славянский перевод по рукописям 12–16 вв.; 2 — греческий оригинал славянского перевода книги пр. Исайи, С.-Петербург, 1897 г. Книга пророка Даниила в древне-славянском переводе: введение и тексты — славянский и греческий, Москва, 1905 г.) дал не только реконструкцию славянского перевода книг пророков Исайи и Даниила, но и воссоздание самой греческой первоосновы в предполагаемой для них типической «редакции». Этой идее он посвятил потом все свои труды и для ее реализации употребил энергичные усилия (Рукописное предание Славянской Библии, С.-Петербург, 1911 г.; Записка о научном издании славянского перевода Библии и проект означенного издания: к 200-летию со времени первого царского указа об усовершенствовании славянского перевода Библии, СПб., 1912 г.; Столетняя годовщина русского перевода Библии, Петроград, 1916 г. Очерки по истории славянского перевода Библии, Петроград, 1917 г.), чтобы в конце

концов обеспечить издание славянского Holmes-Parsons'a с равным ученым совершенством и документальным приизобилием.

Так в течение нескольких веков и при участии целых поколений многочисленных ученых накопился в России огромный материал для этого великого общеславянского дела — свыше 4 000 списков славянских рукописей разных типов для ветхозаветных книг и еще больше для новозаветных. Были и полезные справочные пособия (напр., П. А. Гильтебрандта: Справочный и объяснительный словарь к Новому Завету, два тома, С.-Петербург, 1883 г., 1885 г.; Справочный и объяснительный словарь к Псалтири, СПб., 1898 г.), научные предварения, ученые работы и материальные средства. Настала пора объединить и воплотить совокупными усилиями все главнейшие результаты в наилучшем славянском тексте. Для совершеннейшего выполнения этого грандиозного плана была образована и функционировала (с 1915 г.) при Петроградской Духовной Академии Библейская комиссия из авторитетных ученых по научно-критическому изданию Славянской Библии, которое было рассчитано — примерно — на девять больших томов: 6 — для Ветхого Завета и 3 — для Нового. Осуществление этой колоссальной задачи было бы чрезвычайно плодотворным приобретением для всей ученой библиологии, не говоря об исключительной ценности для нашего богословия, общеславянской филологии и литературы, но все прекратил бешеный и дикий большевизм...

Однако — неужели погибла и самая эта славная задача? Я этого не думаю, ибо в таком случае нужно бы

согласиться, что пропала и вся славянская вековая цивилизация, а какой Герострат найдется среди истинных ученых во всем мире?.. И вот я, едва плавающий по перебрасывающему беженскому океану старец, твердо верую, что это святое дело будет доведено до блестящего увенчания совместными трудами славянских жрецов науки... Все мы должны неизменно помнить, что Славянская Библия, объемлющая все славянство по его культурно-христианскому рождению и возрастанию, есть живительный источник и органический центр общеславянского единения, которое обязано воспитывать и лелеять в библейской колыбели и с библейскими славянскими благословениями. Посему нельзя сочувствовать, а нужно противиться вытеснению из нашего православного богослужения этого родоначальника и ангела-хранителя нашего разными националистическими суррогатами, чаще всего вульгарно-грубыми, принижающими божественную выпренность до простонародной ординарности, взаимно разобщающими славянские народы даже в общественной молитве, а тем самым ослабляющими всех братьев-славян и ведущими к внешней и духовной подневольности. Но наша Славянская Библия золотыми письменами начертывает пред нами свой светлый идеал и провозглашает священный завет всем славянам:

БУДЕМ ЕДИНЫ И СТАНЕМ СВОБОДНЫ!

София. 1932 г. 10. 9 (10. 27.) — среда

КАФЕДРА БИБЛЕИСТИКИ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

www.bible-md.ru

Кафедра библеистики — учебное и научное подразделение Московской духовной академии (<http://www.mpsda.ru>), обеспечивающее преподавание более 20 дисциплин. Заведующий кафедрой — протоиерей Леонид Грилихес. Основное научное направление кафедры — разработка углубленного курса святоотеческой экзегетики с привлечением широкого контекста всех современных библейских исследований.

Проект по созданию электронных книг

Проект осуществляется совместно с Региональным фондом поддержки православного образования и просвещения «Серафим». В подготовке книг принимают участие студенты кафедры. Куратор проекта — преподаватель священник Димитрий Юревич. Электронные книги распространяются на компакт-дисках в формате pdf и размещаются на сайте.

На сайте кафедры www.bible-md.ru

- ✓ электронные книги для свободной загрузки
- ✓ информация о кафедре, ее преподавателях, новостях, учебном процессе
- ✓ информация об издаваемых кафедрой новых книгах
- ✓ методические материалы по библеистике
- ✓ пособия и источники для изучения Священного Писания

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ФОНД ПОДДЕРЖКИ ПРАВОСЛАВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОСВЕЩЕНИЯ

«СЕРАФИМ»

www.seraphim.ru

Фонд является независимой филантропической организацией, предоставляющей финансирование широкому кругу православных образовательных проектов высших учебных заведений Русской Православной Церкви.

Деятельность Фонда не ограничивается помощью в развитии материально-технической базы духовных учебных заведений. Наша главная задача — многоуровневое финансирование научно-исследовательской деятельности, воссоздание целостной и животворной академической среды в православных образовательных центрах.

Проект по созданию электронных книг является одним из ряда проектов, осуществляемых Фондом совместно с Кафедрой библеистики Московской духовной академии.

На сайте Фонда
www.seraphim.ru

- ✓ информация о деятельности Фонда
- ✓ информация о проектах, осуществляемых Фондом
- ✓ контактная информация для связи с представителями Фонда
- ✓ возможность заказа он-лайн книги и компакт-диски, подготовленные к изданию при участии Фонда